

**БОСС, ТЫ НЕ
В МОЁМ ТИПАЖЕ**

Надежда Чародейская

Надежда Чародейская

Босс, ты не в моем типаже

<https://litres.ru/74019376>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она обычная. Саша Руднева — филолог с котом-диабетиком, живёт в долгах как в шелках, носит стремные свитера и называет себя «краш-тестером ковров» в моменты кринжа.

Он краш миллионов. Марк Тимофеев — ледяной IT-вундеркинд, миллионер с табличкой Timofeev.Dev на двери и репутацией робота. Его девушки носят Dior, а не перешитые бабушкины кофты.

Они не должны были встретиться. Но Саша перепутала двери, разлила американо на ковер из шерсти яков и вlepипла боссу обидное «мамкин бизнесмен».

Теперь она — его личная ассистентка 24/7. Он — её самый токсичный проект с железными правилами и пунктом 46: «Запрещено влюбляться».

Спорим, они нарушат его на 5-й день?

Кофе, кот, Дубай, яхта, один отель на двоих и миллион подписчиков, которые узнают себя в этой истории. Твой книжный краш этой осени. Даже если ты не веришь в любовь — она придёт. В стремном свитере и с котом в рюкзаке.

Содержание

ГЛАВА 1. КРАШ-ТЕСТЕР КОВРОВ	4
ГЛАВА 2. КВАРТИРА В «СИТИ» И ПЕРВАЯ НОЧЬ	21
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Босс, ты не в моем типаже

ГЛАВА 1. КРАШ- ТЕСТЕР КОВРОВ

Саша

Я не хотела сюда идти.

Честно. Клянусь Жорой.

Мой маршрут выглядел так: метро → переход в ТЦ → лифт на 7 этаж → отдел кадров «ПиплЛаб». Но навигатор в телефоне, который я устанавливала три года назад и ни разу не обновляла, решил, что моя жизнь слишком скучная.

— Поверните направо, — сказал Гугл женским голосом разочарованной училки.

Я повернула.

— Вы прибыли.

Дверь была стеклянная. Дорогая. С табличкой из черне-

ного металла: «ТИМОФЕЕВ.DEV. ТОЛЬКО ПО ПРОПУСК-КАМ».

Там, где я работаю (кофейня «Кофе и Пончик» у дома), таблички нет. Вообще. Потому что мы перекрывали вход коробкой из-под пончиков полгода назад и забыли.

Я толкнула дверь.

Ошибка номер один.

Офис выглядел как инстаграм-комната, которую снимают за 10 тысяч в час для фотосессии «успешный успех». Белые стены. Мониторы на подставках, которые светятся изнутри. Живая монстера в горшке из розового мрамора. Кожаное кресло-яйцо, в котором, наверное, рождаются бизнес-идеи.

И ковер.

Белый. Пушистый. Дорогой настолько, что на его ценник страшно смотреть даже в кредит.

А посередине этого великолепия стоял Он.

Спиной.

В черном худи с логотипом «Милан». Капюшон не надет, и я вижу его затылок — идеальный, с короткой стрижкой на выбритых висках. Широкие плечи, которые даже через ткань выглядят так, будто их рисовал художник из «Боку-но-Хиро». Длинные пальцы сжимают телефон у уха.

Голос — низкий, спокойный, такой, от которого хочется сказать «да, сэр» и встать по стойке смирно:

— Так. Лену из аналитики убрать к чертям. Она сказала мне «все будет нормально». Я не нанимаю оптимистов, я нанимаю параноиков. Если кто-то говорит «нормально», значит он не проверил все сценарии падения.

Он замолкает.

Я должна уйти.

Сейчас. Прямо сейчас. Пока он не обернулся и не спросил, какого черта какая-то девица в футболке «Гарри Поттер» (выцветшей, с дырочкой на воротах) и порванных джинсах (это дизайнерские, но он не поймет) делает в его святая святых.

Делаю шаг назад.

Пятка.

Попадает в дыру от вентиляции на полу.

Эту дыру я не заметила, потому что смотрела на чудо-дерево и кресло-яйцо. А смотреть под ноги надо всегда, учил меня папа. Но папа ушел из семьи в 2014, так что его уроки я усвоила хреново.

Дергаюсь.

Правая рука взлетает вверх.

Стакан «Вкусно — и точка» (американо без сахара, три льда, самый дешевый) описывает в воздухе красивую дугу. Кофе выплескивается идеальной струей.

Идеально коричневой струей.

На ковер.

Белый ковер становится не белым.

На нем теперь карта России. Очень детальная. С Камчаткой, Сахалином и, кажется, даже с Калининградом.

В офисе становится тихо.

Настолько тихо, что я слышу, как капли кофе кап-кап-кап пропитывают ворс.

Голос из телефона — я слышу его, потому что тишина звенит — удивленно спрашивает:

— Марк? Ты там живой?

Он молчит три секунды. Потом говорит в трубку очень спокойно:

— Андрей, перезвоню. У нас взлом.

Кладёт телефон на стол.

Медленно поворачивается.

О, боже.

О, божечки-котеньки.

Господи, если ты существуешь, за что ты так со мной? Я кормила уличного кота на прошлой неделе! Я помогала бабушке перевести деньги на карту! Я даже мусор вынесла вче-

ра, хотя на улице было минус пять!

Лицо.

Я не знала, что такие лица бывают в реальной жизни. Я думала, их рисуют нейросети или кинозвезды после пластики за миллион. Но этот выглядит настоящим.

Скулы — острые, как лезвие для бумаги. Глаза — не просто серые, а графитные, с темными ободками. Брови чуть сдвинуты — не в злости, а в вежливом, ледяном удивлении.

Губы.

Тонкие, бледные. Он не красит их, и слава богу, потому что этот рот сейчас скажет что-то, от чего я, наверное, упаду в обморок.

Он смотрит на меня.

Сверху вниз (потому что он выше меня на голову, а я 168, и это в кроссовках).

Потом переводит взгляд на ковер.

Потом снова на меня.

— Ты кто? — спрашивает ровно.

Я открываю рот.

Мозг говорит: «Саша, скажи что-нибудь умное. Например, извините, это недоразумение, я сейчас все уберу».

Рот говорит:

— Э-э-э...

Лучше бы я молчала.

— Я Саша. Новая... краш-тестер.

Он моргает.

Один раз. Долгий такой морг. Как будто перезагружает систему.

— Чего.

— Краш-тестер. Ну, тестер ковров. Я проверяю их на... влагостойкость. И, кхм, ваш ковер... — я смотрю на коричневое пятно, — не прошел тест. Плохая закупка. Советую

вернуть поставщику.

Он смотрит на меня еще три секунды.

Потом медленно достает из кармана худи айфон. Промакс. В черном кейсе. Нажимает одну кнопку.

— Андрей, — говорит в трубку. — Нет, не отбой. У нас новая проблема.

Пауза.

— Бомжиха проникла в мой офис.

— Я не бомжиха! — возмущаюсь я.

Он прикрывает трубку рукой и смотрит на меня с интересом коллекционера, который нашел странный экспонат.

— У тебя пятно на футболке, джинсы порваны, в рюкзаке что-то мяукает, — перечисляет ледяным тоном. — Кто ты, если не бомжиха?

— У меня кот в рюкзаке! — защищаюсь я. — Это не мяуканье бомжа, это Жора требует внимания!

— Жора?

— Мой кот. Ему 12, он диабетик, и он устал от того, что его трясут. А джинсы — это дизайнерские! Это винтаж из секонд-хенда на Павелецкой!

Он смотрит на джинсы.

На самом деле они не дизайнерские. Я порвала их, когда лезла через забор, потому что хозяева закрыли калитку, а у меня были пирожки в духовке. Но ему об этом знать не обязательно.

— Андрей, — говорит он в телефон, не отрывая от меня взгляда. — Вызывай вневедомственную охрану.

— ЗА ЧТО?!!

— За проникновение на режимный объект. И, — добавляет он, — за порчу дорогого имущества.

— Я предлагала вернуть ковер поставщику!

— Его шили в Непале на заказ. Три месяца. Шерсть яков.

— Шерсть... кого?!

— Яков. Это такие пушистые животные с рогами. Они живут в горах. И одно из них умерло, чтобы этот ковер появился на свет. А ты его убила кофе.

Он говорит это серьезно. Абсолютно серьезно.

Я смотрю на пятно.

Оно и правда похоже на место преступления.

— Слушайте, — я делаю шаг вперед и поднимаю руки вверх, как перед полицией. — Давайте договоримся. Я заплачу. У меня есть три тысячи рублей на карте и купон на скидку в «Пятерочку».

— Три тысячи.

— Ну, и купон. Там молоко по акции.

Он закрывает глаза на секунду. Когда открывает — в них что-то меняется. Не жалость (этот парень вообще способен на жалость?). А любопытство. Нездоровое. Опасное.

— Тебя как зовут? — спрашивает уже спокойнее.

— Саша. Руднева.

— Саша Руднева, — пробует на вкус. — Ты специально ворвалась ко мне? Конкуренты подослали? Или это пранк для тиктока?

— У меня в телефоне 700 мемов с котами и ноль подписчиков. Какой тикток, боже.

— Тогда зачем ты здесь?

Я вздыхаю.

Ладно. Правда. Наверное, честность — лучшая политика. Или не лучшая. Но какая есть.

— Я ищу отдел кадров «ПиплЛаб». Хотела устроиться на работу. Стажером в HR. Потому что у меня кот болеет, инсулин дорогой, и в кофейне я больше не могу — у меня начальник Жора (не мой кот, другой Жора) каждый день говорит мне «улыбнись, это обязательно».

Он молчит.

Смотрит на меня.

Потом переводит взгляд на ковер.

Потом на меня.

— Ты ищешь работу, — повторяет медленно.

— Да.

— Стажером.

— Да.

— В HR.

— Я учусь на психолога! Ну, заочно. Я умею с людьми!

— Ты только что уничтожила артефакт стоимостью как твоя квартира.

— Это была случайность!

— В бизнесе не бывает случайностей, Саша Руднева. Есть только непроверенные гипотезы.

Он берет со стола пульт — маленький, черный, нажимает кнопку. Шторы опускаются. Дверь с тихим кликом закрывается

на замок.

— Что вы делаете? — мой голос становится выше на октаву.

— Эксперимент, — говорит он и садится в кресло-яйцо. Откидывается, закидывает ногу на ногу. Смотрит на меня как лев на антилопу, которая сама забежала в клетку. — Ты говоришь, что умеешь с людьми. Докажи.

— Как?

— У меня через неделю встреча с венчурным фондом из Дубая. Я не умею улыбаться. Мне нужен живой человек, который будет стоять рядом и отзеркаливать эмоции, чтобы они не подумали, что я робот.

Я моргаю.

— Вы хотите, чтобы я... была вашей живой эмодзи?

— Я хочу, чтобы ты отработала долг за ковер. Три месяца. Зарплата — инсулин для твоего кота. И, — он улыбается (о, господи, у него есть улыбка — холодная, опасная, такая, от которой мурашки бегут не туда), — ты будешь делать это с радостью.

— А если я откажусь?

Он пожимает плечами.

— Тогда охрана приедет через семь минут. Ковер стоит 1,2 миллиона. Будешь выплачивать до пенсии.

Я смотрю на Жору. Жора высовывает морду из рюкзака и смотрит на меня. В его кошачьих глазах читается: «Ты влипла, хозяйка, но инсулин мне нужен срочно».

— Идет, — выдыхаю я. — Но у меня условие.

Он поднимает бровь.

— Вы платите Жорин инсулин вперед. И вы не называете меня бомжихой. Потому что у меня есть... — я заглядываю в рюкзак и достаю смятый, мокрый листок, — диплом олимпиады по русскому языку! Видите? Я умная!

Он берет диплом. Смотрит. Кривит губы.

— «Победитель районной олимпиады, 9 класс». Тебе двадцать лет, Саша.

— Я не тороплюсь с достижениями.

Он пару секунд сверлит меня взглядом, а потом вдруг делает то, чего я совсем не ожидаю.

Смеется.

Не громко, нет. Один короткий выдох, в котором я слышу: «ты идиотка, но ты интересная идиотка».

— Договорились, — говорит Марк Тимофеев, человек-лед, краш всех айтишниц РФ и уничтожитель моих нервных клеток. — Завтра в 9 утра. С кофе. Без кофе на ковер.

— А где мне ночевать? Меня из общаги выселили, потому что...

Он перебивает, нажимая что-то в телефоне:

— Ключи от гостевой квартиры в «Сити». Вышлю адрес.

— Вы серьезно?

— Я всегда серьезен, Саша Руднева. Кроме тех моментов, когда ты находишься рядом. С ними у меня пока проблемы.

Он протягивает руку.

Я смотрю на его ладонь — большую, с длинными пальцами, чистыми ногтями (он что, маникюр делает?). Потом смотрю на свою — с ободранной кожей, зеленым лаком который облез, и мозолью от кофейной машины.

Кладу ладонь в его.

Рука теплая.

Слишком теплая.

— Контракт завтра подпишем, — говорит он. — Добро пожаловать в ад, Руднева.

— Какой ад?

Он улыбается — уже той самой дьявольской улыбкой, из-за которой я просплю эту ночь.

— Моя личная ассистентка. 24/7. Никаких выходных. Ты думала, что ковер был проблемой? Детка, ковер — это цветочки.

— Не называйте меня деткой.

— Не называйте меня мамкиным бизнесменом.

— А я вас называла?

— У тебя было написано на лице. Иди спать, Руднева. Завтра тяжелый день.

Он отпускает мою руку, разворачивается к монитору и больше на меня не смотрит.

А я стою посреди офиса, в луже разлитого кофе (которую, кстати, убирать явно придется мне), и понимаю одну простую вещь.

Я только что продала душу человеку, который считает себя богом, а меня — багом в своей идеальной системе.

Но у него теплые руки.

И это, кажется, самая страшная часть.

ГЛАВА 2. КВАРТИРА В «СИТИ» И ПЕРВАЯ НОЧЬ

Саша

Адрес, который скинул Марк, выглядел так, будто его придумали для съемок «Секса в большом городе», только с российским размахом.

«Москва-Сити, башня Федерация, 56 этаж».

Я стояла у стеклянной двери с чемоданом (который разваливался, потому что ему лет пятнадцать), рюкзаком (в котором Жора вылизывал лапу с видом «ты меня в это втянула») и одним единственным вопросом в голове:

«Это законно вообще — пускать такую, как я, в такое здание?»

Охранник внизу посмотрел на меня. Потом на пропуск, который курьер привез через час после разговора с Марком. Потом снова на меня.

— Вы гостя господина Тимофеева? — спросил он с та-

ким выражением, будто я сказала, что я — королева Англии.

— Ага, — кивнула я. — Я его... краш-тестер.

— Чего?

— Не важно. Пустите, пожалуйста. У меня кот диабетик, ему пора укол.

Охранник явно решил не вникать. Пропуск сработал. Лифт оказался отдельным — на кнопке было написано «Timofeev.Dev Private».

Я нажала.

Лифт поехал так быстро, что уши заложило. Жора мяукнул, я зажмурилась, а когда открыла глаза — двери разъехались.

И я поняла, что моя жизнь только что разделилась на «до» и «после».

Квартира.

Я не знаю, как это называется. Пентхауз? Лофт? Может быть, «пространство с видом на осознание собственной нищеты»?

Полы — теплые, деревянные, темные. Стены — одна белая, вторая стеклянная. От пола до потолка. И за ней — вся Москва. Огни, реки машин, башни «Сити» напротив, которые подсвечиваются голубым и розовым.

Я подхожу ближе.

Внизу — люди, маленькие, как муравьи. А я на 56 этаже. Там, где ветер качает стекла, а звезды, кажется, можно потрогать рукой.

— Жора, — шепчу я, выпуская кота из рюкзака. — Мы не в Кунцево, Жора.

Жора вылезает, оглядывается, нюхает пол и идет сразу к дивану.

Диван — огромный, серый, пушистый. На нем, наверное, можно спать впятером. Жора запрыгивает, сворачивается калачиком и смотрит на меня с выражением:

«Нормально. Оставляем. Инсулин теперь наш».

Я оставляю чемодан в прихожей — там стоит ваза с живыми орхидеями (Орхидеи! Живые! В середине ноября!) —

и иду исследовать.

Кухня — вся в белом и дереве. Холодильник такой большой, что в нем можно спрятать труп. Я открываю — там ничего. Только бутылка воды «Voss» и упаковка гречки. Гречки!

Я смеюсь. Боюсь представить, кто тут жил до меня.

Ванная — с джакузи и душем, из которого идет вода с ароматом (я не шучу, пахнет сандалом и еще чем-то дорогим). Зеркало подсвечивается, а под ним лежат новые зубные щетки, гель для душа и маленький флакон с надписью: «Не ломай ничего. М.».

Спальня — кровать такая огромная, что мне страшно на нее ложиться. Простыни — хлопковые, пахнут кондиционером «Ленор» (нет, серьезно, у богатых тоже «Ленор», я проверяла). А на подушке записка:

«Руднева.

Завтра в 8:30 машина будет у подъезда. Одежда в шкафу. Бери ту, что слева. Та, что справа — для выходов в свет, ты пока не доросла.

И покорми кота. Корм в ящике под раковиной.

Не вздумай сбежать. Я отслеживаю пропуск.

М.»

Я смотрю на телефон — 23:47. Глаза слипаются. Жора уже спит на диване, развалившись звездочкой.

Иду к шкафу.

Открываю.

И замираю.

Там — одежда. Моя? Нет. Не моя. Но какая-то часть меня, которую я не знала, хочет это носить.

Свитера — оверсайз, мягкие, цвета «пыльная роза» и «темный шоколад». Джинсы — не порванные, сидят идеально. Платье — простое, черное, но такое, что в нем я выгляжу как... как человек.

Я трогаю ткань. Кашемир.

Кашемир, Карл!

Я всю жизнь носила синтетику из «Авито», а теперь в моем шкафу висит вещь, за которую можно купить мою старую квартиру в общежитии.

— Жора, — шепчу я, не веря своим глазам. — Он что, обо мне все узнал? Мой размер? Мои цвета?

Жора не отвечает. Он спит и видит сны о бесконечном корме.

Я беру самый простой свитер — пыльно-розовый, надеваю. Он пахнет не стиральным порошком, а чем-то сухим, чистым. Дорогим.

Смотрю в зеркало.

Мне двадцать. У меня темные круги под глазами, растрепанный хвост и кот в чужой квартире. Но в этом свитере я выгляжу... почти красиво.

«Не вздумай привыкнуть, Руднева, — говорю я себе. — Это работа. Ты тут отработываешь ковер. И точка».

Ложусь в кровать.

Подушка пахнет так же, как его рука сегодня. Сандал. И еще что-то, от чего в животе становится тепло.

Засыпаю я под звук Москвы за стеклом и мысль:

«Господи, что я творю?»

Марк

Он не спит.

Сидит в своем кабинете (в офисе, а не в квартире — у него там спальня, но он не поехал) и смотрит на экран ноутбука.

На нем — профиль Саши Рудневой.

Она даже не почистила аккаунты.

ВКонтакте — открытый. Фото с котами, перепосты «Правил жизни интроверта», цитаты из Цоя.

Telegram — канал с названием «Саша и Жора: хроникум диабета». Там она выкладывает отчеты о лечении кота, смешные видео и иногда пишет посты о том, как страшно жить одной в двадцать лет.

Инстаграм (заброшен) — последнее фото год назад. Она на фоне моря, в слишком большой футболке. Улыбается. Но глаза грустные.

Марк листает.

Потом закрывает ноутбук.

— Ты псих, Тимофеев, — говорит он в пустоту.

Она не его тип. Абсолютно. Он любит четкость, структуру, девушек, которые носят Dior и никогда не плачут при нем.

А эта... эта пришла с котом в рюкзаке. Назвала его «мамкин бизнесменом» (он слышал это в ее глазах). Разлила кофе на ковер, который ждал три месяца.

Но когда она смотрела на Москву с 56 этажа, он видел это через камеру в гостиной (да, там есть камеры — бизнес есть бизнес). И в ее глазах не было жадности. Только удивление. И какой-то детский восторг, от которого у него самого защемило в груди.

«Не смей, — приказывает он себе. — Это актив. Как ковер. Ты вложил в нее деньги, она отработает. И все».

Он берет телефон. Пишет сообщение.

Но не ей. Своему ассистенту.

Марк: «Убери камеры из гостевой квартиры. Вообще. Сегодня же».

Ассистент: «Но вы же сами установили...»

Марк: «Я сказал — убери».

Кидает телефон на стол.

Закрывает глаза.

И видит ее. Стоящую у окна. В его свитере (потому что он купил эти вещи сам, сам выбирал, прикидываясь дураком в магазине, когда консультантка спросила «для девушки?», а он ответил «для сотрудницы»).

— Черт, — выдыхает Марк Тимофеев, человек с репутацией льда.

Он только что влюбился. И даже не понял, когда это случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.